

ВОСПОМИНАНИЯ О ПРОФЕССОРЕ В. Ф.

«Воспоминания о В. Ф. Войно-Ясенецком» — последняя работа Иосифа Абрамовича Кассирского (1898—1971), крупного советского терапевта и гематолога, автора многих трудов, принесших ему всесоюзную и мировую известность. Его перу принадлежат также книги и статьи о выдающихся деятелях отечественной и зарубежной медицины — И. П. Павлове, В. П. Филатове, Е. Н. Павловском, П. Эрлихе, Р. Россé и других. И вот еще одна книга о человеке, с которым автора связывали многолетние дружеские отношения и совместная работа в Туркестанском университете.

«К написанию этой небольшой книги,— пишет автор,— я приступал неоднократно. Но всякий раз, увидев чистый лист бумаги и взяв в руки перо, вдруг начинал испытывать какое-то внутреннее сопротивление, а затем и глубокие сомнения... Это было связано и с тем, что В. Ф. Войно-Ясенецкий, один из лучших хирургов своего времени, известный анатом, организатор и руководитель кафедры топографической анатомии и оперативной хирургии Туркестанского университета, автор десятков исследований по медицине, главный хирург эвакогоспитала во время Отечественной войны, одновременно был крупным религиозным деятелем русской православной церкви. Публикуемая в сокращенном варианте работа И. А. Кассирского представляет собой попытку разобраться в сложной натуре Войно-Ясенецкого, проследить его многогранную жизнь, восстановить правду и восполнить пробел в истории русской медицины — ведь об этом выдающемся хирурге и ученом известно очень мало.

Академик АМН СССР И. КАССИРСКИЙ.

Солько раз я давал себе слово наконец-то сесть и записать все, что я помню, знаю, думаю о большом ученом и блестательном хирурге, который вдруг ушел в религию и посвятил весь строй своей жизни апостольскому служению Богу и страданиям за веру.

Среди очень и очень многих интересных людей, с которыми приходилось сталкиваться на протяжении моей почти 60-летней врачебной жизни, фигура Валентина Феликсовича Войно-Ясенецкого едва ли не самая яркая. Стоит назвать его имя, и сразу же передо мною вырастает образ человека могучего, высокого, с величественной осанкой, с красивой окладистой бородой, человека значительного, сложного и чрезвычайно необычного. В нем угадывались духовная мощь ученого, достоинство и сложность трагической судьбы. И все это удивительно гармонировало с его тихой, спокойной речью, которую слушали всегда с затаенным волнением — будь это просто собеседники или огромные аудитории студентов и врачей.

Я много раз рассказывал друзьям о своих встречах, беседах с Валентином Феликсовичем до его ухода в религию и после рукоположения (хиротонии) в высокий сан архиепископа... Драматические события его жизни, свидетелем и даже участником которых мне довелось быть, неизменно вызывали интерес, внимание.

Но ведь (и в этом мое глубокое убеждение) задача мемуарной литературы состоит не в том, чтобы поработить читателя занимательным чтением. Ее главная цель — раскрыть не только биографию личности, но «биографию» идей, высоких нравственных

идеалов человека, чей жизненный путь приобретает значение «учебника жизни».

Чему может научить, задавал я себе вопрос, описание жизни профессора-хирурга Валентина Феликсовича Войно-Ясенецкого (в мире) и архиепископа Луки Туркестанского, потом Красноярского, затем Тамбовского и Мичуринского и — в конце жизни — Симферопольского и Таврического?

В. Ф. Войно-Ясенецкий всю свою жизнь работал в небольших городах, земствах, селах России, в Туркестане, в Сибири, на Дальнем Востоке. Как врач, он столкнулся с беспроблемной нищетой, постоянным голодом народа, с ужасающей детской смертностью от дифтерии, кори, скарлатины. Борьба с эпидемиями тифа, малярии, холеры, чумы, оспы, косившими целые губернии, была его постоянной работой.

Войно-Ясенецкий был свидетелем двух мировых войн, уничтоживших десятки миллионов людей. Он видел и сам испытал нечеловеческие страдания людей нашего поколения: разруху, голод, смертоносные эпидемии, различные перегибы и репрессии. Он был свидетелем страшных злодеяний гитлеровцев, видел разбомленные и выжженные селения и города, знал о задушенных в газовых камерах миллионах беззащитных людей, пытках, геноциде, ограблении народов... Кровь, слезы, горе народное проходили через его сердце. Он никогда не стоял в стороне от общей борьбы, от общего дела, от всего того, чем жила наша страна. Его вклад как врача, хирурга, ученого огромен. При этом в науке он всегда стоял на позициях материализма и в то же время был религиозен.

Предлагаемые очерки не претендуют на исчерпывающий анализ места и роли В. Ф. Войно-Ясенецкого в истории отечественной медицины. Это не более чем воспо-

● ЛЮДИ НАУКИ

ВОЙНО-ЯСЕНЕЦКОМ

вспоминая и размышляя об удивительном человеке, в судьбе которого отразились многие сложные события нашего времени.

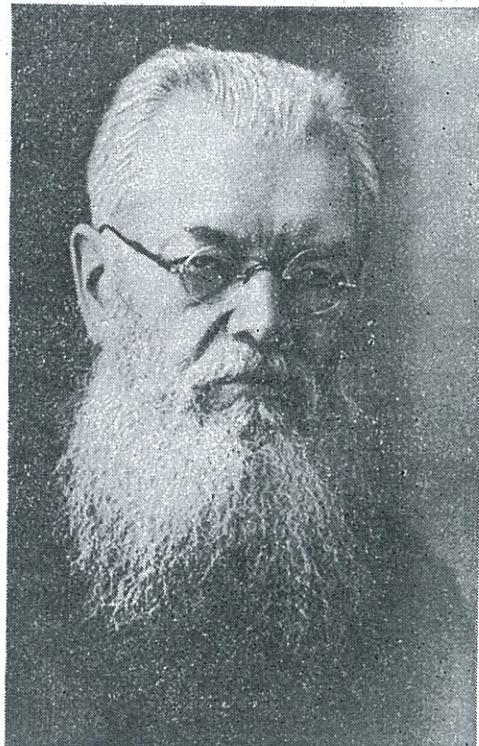
Деятельность врача принесла В. Ф. Войно-Ясенецкому славу выдающегося ученого и хирурга. От жизни архиепископа Луки тоже осталось немало — одиннадцать томов проповедей. Все, близко знавшие В. Ф. Войно-Ясенецкого, каждый по-своему, решал для себя загадку: как могло случиться, что одной и той же рукой написаны глубоко научные «Очерки гнойной хирургии», «Регионарная анестезия» и книга «О духе, душе и теле». Мне представляется, что разгадка этой тайны лежит в истории всей его жизни, в «биографии» тех идей и раздумий, которые определили своеобразие и необычность его человеческой личности.

Жизнь его полна нераскрытий тайн. Но твердо могу сказать, что он был человеком чистой души и честности. Он верил в религиозный гуманизм и был убежден, что этот гуманизм способен победить трагические противоречия и социальные катаклизмы, свидетелем которых являлся. Этую свою религиозную веру он пронес через всю жизнь. Никогда Войно-Ясенецкий не ревизовал своего мировоззрения. И даже трудные испытания, в которые ввергla его религиозность (несколько лет он провел в лагерях и ссылке), не сломили, не поколебали его веры.

Целитель души и тела — что может быть выше! Об этом страстно говорил в своих проповедях Валентин Феликович — архиепископ Лука, рассказывая о святом Пантелеимоне, который был и врачом и священнослужителем. А в православных церквях в Лондоне, Париже, Нью-Йорке священнослужители даже называли своего брата во Христе Луку святым Пантелеимоном нашего времени.

Я думаю, что органически сочетать в себе такое мог только человек тончайшей гуманистической душевной структуры. Жизнь В. Ф. Войно-Ясенецкого волнует нас не потому, что его путь не был свободен от заблуждений (от них в той или иной степени никто не застрахован), — она поучительна, потому что, несмотря на противоречия и заблуждения, безгранична преданность долгу врача и ученого брала в нем верх и религиозность никогда не заглушала в нем великий голос совести врача, ученого и гуманиста.

В. Ф. Войно-Ясенецкий родился в семье фармацевта 27 апреля 1877 года в городе Керчи. Род Войно-Ясенецких происходил из обедневших дворян. Дед Валентина Феликовича жил совсем в бедности, его семья ютилась в курной избе. Первым из оскудевшего рода, кто сумел опять встать

В. Ф. Войно-Ясенецкий (1877—1961).

на ноги и получить образование, был отец, выучившийся на фармацевта. Владея аптекарским магазином, постепенно выился в люди, сумел дать хорошее образование своим детям.

Валентин сначала учился в Кишиневской, а затем в Киевской гимназиях. Мальчик отличался ярким художественным дарованием, прекрасно рисовал и прошел курс рисовальной школы.

В 19 лет он окончил гимназию и Киевское художественное училище, мечтал посвятить себя искусству, гуманитарным наукам и выбрал юридический факультет Киевского университета. Проучившись там год, перешел на медицинский факультет, потому что понял, что именно медицина более всего соответствует его жизненным устремлениям.

«Для того, чтобы поступить на медицинский факультет, — писал он, — я должен был преодолеть яркий интерес к наукам гуманитарным, историческим, к философии и преодолеть большую нелюбовь к естественным наукам».

Уже на первом курсе его увлекла анатомия. Он вспоминает: «Моя любовь к форме и тонкое понимание ее вылилось в любовь к анатомии, в художественно-анатомическую препаратовку, а затем в увлечение техникой хирургических операций на трупах... Мои товарищи единогласно решили, что я буду профессором анатомии, и оказались правы, хотя я и протестовал против их предсказаний». На четвертом и пятом курсах он увлекся глазными болезнями.

В 1903 году Войно-Ясенецкий окончил университет с отличием.

Годы его учения совпали с революционным предгрозьем 1905 года, с русско-японской войной. Но революционная буря прошла мимо него. Он, безусловно, ощущал несовершенство окружающего мира, видел в нем многое несправедливого, понимал отсталость и нищету огромной и потенциально богатой страны, но оставался как бы в замкнутом пространстве уже тогда созавшегося в его сознании и сердце мировопонимания. Он был убежден: победу над стихией зла — социальной несправедливостью, угнетением, разрушительными войнами может одержать только религиозный гуманизм, христианство, которому все должны отдаваться беззаветно.

При нашей последней встрече, состоявшейся почти через четыре десятилетия после 1905 года (в 1944 году), мы долго беседовали в номере гостиницы «Москва». Он был в полном архиепископском облачении в окружении служителей церкви различных рангов. Мы говорили о многом — о пройденном им трудном жизненном пути, его здоровье, о его детях, о научной и практической хирургической деятельности. В конце беседы он с грустью произнес: «Вот вы, я знаю, взбираетесь на крутые вершины науки и академической деятельности, а мне ведь очень тяжело: три четверти моих сил отнимает мое служение вере. Знаете, я написал и отдал в Духовную академию 11 томов проповедей, туда же входит труд моей жизни — «О духе, душе и теле». Сколько мне приходится читать духовной литературы».

В 1957 году я получил от него письмо, в котором он еще раз возвращается к своим духовным сочинениям (но вместе с тем показывает, что «внутренний червь» — привязанность к научно-творческой работе в области медицины — точит его!). Вот оно — это письмо:

«Многоуважаемый Иосиф Абрамович!
Ваше добре и любезное письмо очень порадовало меня и моих присных, живущих при мне.

Благодарю за Ваше поздравление с Новым годом, но сам никого с ним не поздравляю, так как он может принести нам ужасы войны.

Поздравляю Вас с получением высоких званий заслуженного деятеля науки и член-корреспондента АМН.

К моим титулам прибавилось звание почетного члена Московской Духовной Академии за 11 толстых томов моих проповедей, получивших необычайно высокую оценку Совета Академии. Но для Вас, я думаю, более интересно то, что в своей глубокой старости и напряженной архиерейской работе я очень надеюсь написать новую книгу по регионарной анестезии при сотрудничестве доктора Полякова, уже собравшего для этой книги всю новейшую литературу за последние 5 лет. А я сам изучил всю литературу от 1915 по 1952 год, пока еще не ослеп.

Если удастся издать эту книгу, то она будет очень ценным вкладом в хирургическую литературу, ибо с регионарной анестезией, широко применяемой на Западе, особенно в Англии, Франции и Америке, советские хирурги очень мало знакомы и большинство их пользуются только местной анестезией по методу Вишневского, которую регионарная анестезия очень превосходит во многих отношениях.

Мое здоровье очень недурно; у меня большая наследственная долговечность по отцу и матери, дающая надежду прожить еще 5—6 лет.

Примите мою сердечную благодарность Вам и Вашей семье за добрую память обо мне. В. Войно-Ясенецкий.

Симферополь, 3 января 1957 г.»

Но вернемся к его биографии. По окончании медицинского факультета он мог бы претендовать на то, чтобы остаться при университете, готовиться к научной карьере, но выбирает иной путь в жизни. Он едет с Киевским лазаретом Красного Креста добровольцем на Русско-японскую войну.

В Чите в лазарете на двести коек Войно-Ясенецкого назначили заведующим хирургическим бараком. Работал он самозабвенно, с утра и до поздней ночи каждый день делал сложные и очень разные операции — на конечностях, на черепе.

Там же в госпитале произошло его знакомство с сестрой милосердия Анной Вассильевной Ланской. Девушка из скромной мещанской семьи, очень красивая, с чистой душой и кротким характером — она пришлась по душе Валентину Феликовичу, всему настрою его натуры. Раненые солдаты, за которыми Анна Ланская ухаживала в госпитале, называли ее «святой сестричкой». Они поженились и безоблачно прожили четырнадцать лет.

В апреле 1905 года Войно-Ясенецкий принял решение уехать на работу в земство. «Хочу быть врачом для народа», — говорил он домашним и друзьям. Там началась его работа земского врача, сначала в Ардатовском уездном земстве (в Симбирской губернии), затем — в Фатежском и Балашовском уездах. В 1910 году В. Ф. Войно-Ясенецкий переехал в Переславль-Залесский, где занял должность заведующего земской больницей.

В земских больницах в те годы, как правило, работал один врач. Он был хирургом и акушером, терапевтом и педиатром, гигиенистом и стоматологом. Хирургическая деятельность в основном ограничивалась вскрытием абсцессов, флегмон, удалением зубов, кожных опухолей, инородных тел в наиболее доступных местах. Появление крупного хирурга в земстве было весьма редкой счастливой случайностью.

Сохранившиеся в виде аккуратно переплетенных книжек «Отчет о хирургической деятельности Романовской земской больницы (1909—1910 годы)», «Отчет о деятельности Переславской земской больницы за

1911—1914 годы» показывают размах хирургической работы Войно-Ясенецкого.

В Романовской больнице Войно-Ясенецкий стал зачинателем «большой» хирургии в земстве.

Он с высоким мастерством оперировал на желчном пузыре и головном мозге, кишечнике и на желудке, на почках и позвоночнике, на суставах и нервах, производил гинекологические и глазные операции. Особо его внимание привлекала гнойная хирургия. Гнойные процессы были самыми распространенными. Войно-Ясенецкий нашел способ лечить этих больных с помощью хирургии. Опыт этой его работы отображен в «Очерках гнойной хирургии».

Много занимаясь практической медициной, земский врач В. Ф. Войно-Ясенецкий увлекся еще и научной работой — бактериологией, патологической анатомией, гистологией. Он организовал специальную лабораторию при больнице, на собственные деньги купил микроскоп и другое необходимое оборудование. Он стал разрабатывать новый метод местного обезболивания — регионарную анестезию.

В 1915 году монография «Регионарная анестезия» под фамилией В. Ф. Ясенецкого Войно вышла в свет, в 1916 году автор защитил ее как диссертацию на степень доктора медицины.

Работа над диссертацией заняла у него всего восемь месяцев. Несомненно, В. Ф. Войно-Ясенецкому в научной и практической хирургической работе помогали его поразительное чувство осознания и талант художника. Действия его как хирурга были необыкновенно точны, соразмерны и, я бы сказал, виртуозны. В 1922 году, когда

я увидел его первую (и одну из первых в нашей стране) безуказненно проведенную операцию переливания крови, я был поражен его блестящей хирургической техникой.

Позднее его сын Валентин, которому я рассказал об этой артистически произведенной операции, вспомнил такой любопытный факт. «Тончайшее чувство осознания, очевидно, было врожденным у отца. Он как-то, беседуя с нами, его детьми, на эту тему, решил доказать нам это «на деле». Сложил десять листков тонкой белой бумаги, а затем попросил давать задания: одним взмахом острого (это было обязательным условием!) скальпеля разрезать любое количество листков. Опыт оказался весьма удачным. Мы были поражены!»

В 1916 году Валентин Феликович переехал в Ташкент, куда был приглашен на должность главного врача городской больницы.

Вот что рассказывает о начальном периоде жизни В. Ф. Войно-Ясенецкого в Ташкенте его друг и коллега Лев Васильевич Ошанин.

В первые послереволюционные годы улицы в Ташкенте не освещались. На улицах было далеко не безопасно, нередко происходила перестрелка. Кто, в кого, зачем стрелял, не всегда бывало понятно. Но жертвы были. Раненых привозили в больницу. Войно-Ясенецкого нередко вызывали среди ночи на операции. Случалось, раненые

В. Ф. Войно-Ясенецкий (стоит второй справа) по дороге на фронт. 1904 год.

Анна Васильевна Ланская, жена В. Ф. Войно-Ясенецкого. 1904 год.

ственного сына и положить на операционный стол?

Войно-Ясенецкий объяснил, что ждать нечего, лучше оперировать в межприступном, так называемом холодном периоде. Ведь у Миши было уже два острых приступа аппендицита.

Так мальчик попал прямо с игры в операционную. Через неделю он выписался.

Позднее Войно-Ясенецкий оперировал свою dochь, у нее на пальце правой руки начала быстро развиваться опухоль. Войно-Ясенецкий, заподозрив остеосаркому, сделал дочери радикальную операцию, не только удалил весь палец, но и вылущил всю пястную кость.

Войно-Ясенецкому было свойственно внутреннее спокойствие. Его никогда не видели в гневе, вспылившим или просто раздраженным. Голос — негромкий, глуховатый, он никогда его не повышал. Его многое возмущало, но он никогда не выходил из себя. Свое недовольство выражал спокойным голосом. Не видели его и понастоящему веселым, хотя он нередко улыбался и даже смеялся.

Интересная иллюстрация сказанного.

В начале 20-х годов начальником милиции Ташкента был известный всему городу Цыруль, латыш, человек огромного роста, здоровенный, могучий — гроза преступного мира. И вот во время автомобильной катастрофы он получил серьезную травму — перелом бедра.

Валентин Феликович мастерски совместил концы сломанной кости, поэтому она срослась хорошо, без укорочения ноги. Цыруль был в восторге от своего врача и хотел его как-то отблагодарить. Но ему сказали, что ни о каком гонораре не может быть речи, что Войно-Ясенецкий никогда не берет денег у пациентов. Тогда Цыруль пришел к своему спасителю домой и положил перед ним браунинг, две обоймы и 50 патронов.

— Вот, профессор, вам разрешено носить оружие. Вы часто ночью ходите к больным. Опасно. Если на вас кто нападет, это оружие для защиты.

Войно-Ясенецкий положил браунинг в стол. Об этом узнали сыновья и стали играть занятной «игрушкой». Как-то во время дежурства Ошанина к нему зашел Валентин Феликович и попросил проверить, не заряжен ли пистолет. Ошанин, считая себя знатоком огнестрельного оружия, осмотрел браунинг и заявил, что патронов в нем нет. Чтобы окончательно убедиться в этом, поднял пистолет в сторону Войно-Ясенецкого, но все же выше его головы (помня его слова, что нельзя целиться в человека, даже если уверен, что оружие не заряжено) и спустил курок. Каков же был ужас Ошанина, когда раздался выстрел, пуля вонзилась в стену в 5—6 сантиметрах над головой Войно-Ясенецкого. В противоположность потрясенному Ошанину Войно-Ясенецкий остался невозмутимо

поступали один за другим, и он всю ночь оперировал.

Его операции были подлинной школой. Он имел обыкновение оперировать, если можно так сказать, вслух, объясняя присутствующим врачам и студентам, что кроется под фасцией, которую сейчас вскрывает, какие сосуды, нервы лежат глубже того места, где находится его рука со скальпелем, какие ткани и органы находятся в операционной ране и вокруг. За много лет Войно-Ясенецкий собрал замечательную коллекцию собственных анатомических рисунков, которые он демонстрировал на своих лекциях по топографической анатомии в университете. Талант художника Валентин Феликович использовал и в церкви, он расписал масляной краской иконастас в больничной церкви-часовне.

Операции были стихией Войно-Ясенецкого. У операционного стола он не знал ни страха, ни волнения. Даже когда приходилось оперировать собственных детей.

Л. В. Ошанин рассказал такой эпизод. Старший сын Войно-Ясенецкого, Миша, играл во дворе больницы (дом главврача выходил на территорию больницы) со сверстниками. Было тогда мальчику лет 10—11. Вдруг на крыльце хирургического корпуса появляется Валентин Феликович.

— Миша, иди сюда, — обращается он к сыну. — Проходи прямо к сестре в операционную. Она тебя приготовит к операции. Я буду тебя оперировать, вырежу аппендикс.

Ошанин, услышав это, буквально осталенел.

— Как, сейчас? Вот так взять своего соб-

спокойным и только сказал: «Зачем вы говорили, что знаете это оружие? Если что-нибудь знаете понасильшке, не следует утверждать, что знаете».

Вот еще эпизод, иллюстрирующий спокойствие Войно-Ясенецкого и умение держать себя в экстремальных ситуациях.

В 1918, 1919-м и в начале 1920-х годов Ташкент был советским, но отрезанным от остальной части страны. Оренбургскую дорогу закупорили белоказаки генерала Дутова. В Ферганской долине бесчинствовали басмачи, в сущности, там шла война. Большая часть Закаспийской области с центром в Ашхабаде находилась под властью белых и соединившихся с ними интервентов.

В Ташкенте начальником гарнизона и комдантлом крепости был некий Осипов — бывший царский офицер. В ночь на 21 января 1921 года он поднял контрреволюционный мятеж, известный под названием «осиповского восстания». Город оказался во власти контрреволюционеров. Но они встретили яростное сопротивление рабочих, главным образом железнодорожных мастерских. Через несколько дней, в течение которых шли уличные бои, «осиповцы» были разбиты наголову и Советская власть восстановлена. Сам Осипов с остатками своей банды бежал через горы в Афганистан, гарнизон сдался. Но немало мятежников осталось в городе, их усиленно разыскивали.

В первое же утро после ликвидации мятежа по ложному доносу арестовали Войно-Ясенецкого и его помощника, хирурга Г. А. Ротенберга. Прямо из операционной хирургического корпуса их увезли в железнодорожные мастерские. Там непрерывно заседала «чрезвычайная тройка» по ликвидации мятежа.

В мастерских их посадили в каком-то довольно просторном помещении, откуда одна дверь вела в комнату, где заседала «чрезвычайная тройка». В помещении было много и других арестованных. По фамилии их вызывали в «роковую» комнату.

Войно-Ясенецкий все время был невозмутимо спокойным. На частые тревожные вопросы Ротенberга, почему же их не вызывают, что это может означать, Войно-Ясенецкий отвечал: «Вызовут, когда придет время, ждите спокойно».

Уже поздно вечером через «зал ожиданий» случайно проходил крупный партийный деятель, хорошо знавший Войно-Ясенецкого.

— Доктор, почему вы здесь, как это случилось?

Войно-Ясенецкий рассказал все как было. Их арестовал патруль... А привел патрульных в хирургический корпус служитель, сторож морга, где Войно-Ясенецкий часто делал операции на трупах. Войно-Ясенецкий не раз говорил этому служителю, что он его выгонит за постоянное пьянство, лодырничанье и воровство.

Знакомый Войно-Ясенецкого сейчас же ушел в комнату, где заседала «чрезвычайная тройка», и через десять минут врачам

вручили пропуска на выход. Но одних не отпустили, а дали вооруженных провожатых.

Вернулись в больницу, где все были очень взволнованы их арестом. Войно-Ясенецкий тотчас распорядился, чтобы больной, накануне назначенный на операцию, к положенному времени был подготовлен и находился в операционной.

Ташкентская городская больница тех лет очень напоминала Валентину Феликовичу земскую: такая же бедность во всем, плохие железные кровати, забытые больными палаты и коридоры.

Он работал без устали — днем и ночью. А, кроме того, как и в земстве, помимо практической работы, занимался научной. Он никогда не отдыхал — всегда чем-то был занят. Даже по дороге к больному, сидя рядом с кучером в плетеной двуколке, заучивал французские слова и фразы, повторяя их вслух; таким же способом он изучил и английский язык (немецким владел хорошо). Периодически, как рассказывали дети Валентина Феликовича, у него появлялось такое сильное переутомление, что он не мог ни писать, ни читать. В этих случаях переключался на переплетное дело. Все книги в его библиотеке были переплетены его руками, с большим вкусом и изяществом.

Личная жизнь его сложилась очень счастливо. У него было четверо детей, которыми он имел все основания гордиться.

Книга В. Ф. Войно-Ясенецкого «Очерки гнойной хирургии».

Профессор В. Ф. Войно-Ясенецкий среди больных и персонала госпиталя. 1943 год.

Все четверо впоследствии стали хорошими врачами. Династия медиков этой семьи продолжается и поныне, теперь уже в третьем и четвертом поколениях. Добрая, заботливая мать Анна Васильевна всю себя отдала воспитанию детей и заботам о муже, но, к сожалению, еще в Переславле она заболела туберкулезом. Ее здоровье быстро сдавало — туберкулез прогрессировал. 13 ноября 1919 года она умерла.

Это была огромная трагедия для Валентина Феликсовича. Некоторые даже считали, что именно смерть жены послужила толчком к его уходу в религию. Вскоре после смерти жены он принял решение постричься. Однако это, пожалуй, упрощенное понимание сложной натуры Войно-Ясенецкого. Причина подспудно зрела давно, она — в его религиозном мировоззрении. Валентин Феликсович был всегда человеком религиозным, притом религиозным «ортодоксального» православного толка. В Ташкенте всем было известно, что он не пропускает ни одной церковной службы, «отстаивает» все всенощные и обедни по субботам, воскресеньям и в дни православных праздников. Личная драма — лишь повод, она только подвела черту.

Когда профессор Войно-Ясенецкий стал церковным деятелем — архиепископом Лукой,— перед администрацией больницы и особенно университета, медицинского факультета и перед партийными органами возникли довольно сложные задачи. Как быть с новоявленным «протопопом Аввакумом» и одновременно профессором недавно открывшегося, первого в Средней Азии вуза, воспитателем советской молодежи и крупнейшим специалистом, блестящим хирургом?

В церкви он произносил проповеди, в

предоперационной повесил икону, перед операцией спрашивал у ассистентов о больном: православный, христианин? Если да, то крестил пациента, затем крестился перед иконой и лишь после этого торжественно произносил: «Скальпель!»

Чтобы немного понятнее были степень личной драмы профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого и характер развернувшихся вокруг него событий, расскажем кратко о той обстановке, которая сложилась в первом в Средней Азии медицинском вузе в тот период.

В апреле 1918 года на V съезде Советов Туркестанского края была провозглашена Туркестанская Автономная Советская Республика, входящая в состав РСФСР.

Обстановка в Средней Азии в первые годы становления Советской власти была очень напряженная. Голод, страшные эпидемии паразитарных тифов, поголовная малярия уносили десятки тысяч жертв. Ширившееся басмаческое движение, подогреваемое извне, также изнутри религиозными фанатиками,— все это мешало молодой власти строить новую жизнь в республике.

Для руководства медицинским обслуживанием населения республики уже в ноябре 1917 года был организован Комиссариат народного здравоохранения. Одним из первых наркомов здравоохранения стал молодой талантливый хирург Иван Иванович Орлов.

В Ташкенте в дореволюционное время были всего две небольшие больнички —

Архиепископ Лука, профессор Войно-Ясенецкий.

одна в новом городе, другая, совсем захирела — в старом.

Решением Комиссариата народного здравоохранения самое большое здание в Туркестане — кадетский корпус — было передано органам здравоохранения. Здесь развернулась больница на 1000 коек, а в дальнейшем и медицинский факультет Туркестанского университета.

Я еще застал эту больницу в период строительства и организации, когда в огромных залах главного корпуса на полу, на подстилках из соломы лежали больные малярией, брюшным тифом и другими кишечными заболеваниями. Постепенно огромные залы и дортуары переоборудовались в палаты, лаборатории, учебные комнаты и аудитории. Студенты и преподаватели принимали активное участие в строительстве, таскали кирпичи, выкладывали стены.

В числе врачей, которые с первых дней установления Советской власти стали сотрудничать с ней, были: терапевт, пользовавшийся популярностью во всей Средней Азии, доктор медицины Моисей Ильич Слоним; хирург, приобретший мировую известность открытием возбудителей кожного лейшманиоза, доктор медицины Петр Фокич Боровский; его ученик, хирург Иван Иванович Орлов; основоположник микробиологии в Средней Азии, директор Института микробиологии, доктор медицины Алексей Дмитриевич Греков; терапевт Лев Васильевич Ошанин — сын знаменитого исследователя Памира и Тянь-Шанских ледников; хирург, доктор медицины Валентин Феликович Войно-Ясенецкий и другие.

В 1919 году к В. И. Ленину в Москву была направлена делегация с просьбой открыть в Туркестанской республике университет. Время для решения такого большого вопроса было вроде бы самое неподходящее: страна со всех сторон окружена белогвардейскими армиями и интервентами, всюду свирепствуют эпидемии, голод, разруха. Тем не менее В. И. Ленин с вниманием отнесся к инициативе туркестанской интеллигенции.

И уже в сентябре 1920 года, согласно декрету Советского правительства, подписанный В. И. Лениным, в Ташкенте был открыт университет — первый университет не только в Советской Средней Азии, но и вообще на всем Среднем Востоке.

Из Москвы в Ташкент пришел поезд, почти целиком состоявший из теплушек. В нем — восемьдесят московских и питерских профессоров и преподавателей, библиотека из 20 тысяч книг, учебные пособия, медицинские инструменты, оборудование для лабораторий, химические реактивы. 56 суток ехали по голодному, разоренному войной и все еще пылающему в пожарах краю энтузиасты, решившие принести светоч знаний народам Туркестана. Среди них были известные, даже знаменные врачи, крупнейшие русские ученые: ученик Зелинского химик Сергей Николаевич

вич Наумов, зоолог Даниил Николаевич Кашкаров, математик Всеволод Иванович Романовский, ученик Остроумова терапевт, тематолог Александр Николаевич Крюков, невропатолог, ученик Россолимо Михаил Алексеевич Захарченко, хирург-клиницист, ученик Мартынова Петр Порфириевич Ситковский, хирург-гинеколог Константин Григорьевич Хрушев, анатом Иван Порфириевич Рождественский и другие.

Ехали не за деньгами, не за славой. Это был подвиг ученых, братская помощь народам Средней Азии — узбекам, казахам, таджикам, киргизам, туркменам. Это были светлые страницы в истории ленинской национальной политики, рожденной Великим Октябрьем. Приезд ученых-профессоров, открытие медицинского факультета — это была революция в деле.

Жарким дыханием тех дней обдает меня всякий раз, когда вспоминаю, как кипела организационная работа. Было такое впечатление, что ташкентские профессора хотели утвердить полную преемственность академических традиций московской школы в молодом среднеазиатском вузе.

К сожалению, здесь нет возможности охарактеризовать всех первых профессоров Туркестанского университета. Расскажу лишь о трагической судьбе профессора Ивана Петровича Михайловского, которая оказала драматическое влияние на В. Ф. Войно-Ясенецкого.

Заведующий кафедрой физиологии ТГУ профессор И. П. Михайловский был, несомненно, выдающимся ученым, страстно преданным науке. К несчастью, к 52 годам не выдержал коллизий нескольких драматических событий — смерти сына и разрыва с женой... Иван Петрович Михайловский покончил с собой.

Последние годы жизни он производил впечатление несколько растерянного, угасшего человека. О нем распространялись разные слухи: будто он долго не хоронил своего 12-летнего сына, консервировал труп и вечерами в одиночку проводил опыты по оживлению... И вот — развязка...

Началось расследование. Михайловского нашли в его пригородном охотничьем домике с пристреленной головой. При этом обнаружились какие-то улики, позволяющие думать, что его убили.

Так как Михайловский был верующим, родные и близкие обратились к архиепископу Луке — Войно-Ясенецкому с просьбой разрешить похоронить его не как самоубийцу — за наружной оградой, а на православном кладбище. Он дал такое разрешение, при этом не оговорил в своей записке вопроса о судебно-медицинском вскрытии. Это послужило поводом для привлечения профессора Войно-Ясенецкого к делу...

По схеме, созданной в следственных органах, события мыслились так: вот-де профессор-физиолог занимался важной проблемой оживления, а церковники решили его уничтожить, так как он подрывал их учение.

Многих ученых привлекли к следствию по этому делу, но ни один из них не смолоду душничал, не поднял руки на Войно-Ясенецкого. Все единодушно говорили о его кристальной нравственной чистоте и высоких качествах ученого и хирурга, беззабетном служении народу в течение всей врачебной деятельности.

Делу был дан «обратный ход», хотя все же нашелся один ловкий делец от литературы, который быстро состряпал роман-повесть «На грани», в котором отвергнутое было представлено как факт, а Войно-Ясенецкий выведен как средневековый «черный монах», иезуит-инквизитор, мракобес, боровшийся на стороне церкви против прогресса и материалистической науки. Эта ложь была справедливо официально отвергнута.

Еще одна история, связанная с профессорами Туркестанского университета — заведующим кафедрой факультетской хирургии П. П. Ситковским и В. Ф. Войно-Ясенецким. В этой истории Валентин Феликович участвовал в роли не обвиняемого, а был фактическим защитником привлеченного к уголовной ответственности коллеги.

Дело было летом или осенью 1920 года. В Туркестане полыхала гражданская война, в хирургические клиники университета непрерывным потоком поступали раненые. Между тем из-за разрухи, когда недоставало самого необходимого — перевязочного материала, медикаментов и многоного другого, уход за ранеными, питание были не на высоте. К тому же свирепствовали сыпной, возвратный и брюшной тифы, дизентерия. В лечебных учреждениях — тучи мух. У многих раненых, особенно из тех, кто поступал в хирургическую клинику издалека и не сразу, были неописуемо запущенные гнойные раны. Естественно, было много жалоб и обвинений в адрес врачей, поговари-

вали, что «это-де чистое вредительство». Появились комиссии. В результате профессора П. П. Ситковского и еще нескольких врачей арестовали. Вскоре начался показательный процесс.

Обвинителем по этому процессу выступил прибывший из Москвы один из заместителей Ф. Э. Дзержинского — Петерс, человек с суровым, горячим, резким.

И вот вдруг с места поднимается профессор Войно-Ясенецкий в епископском облачении. Он взял слово в качестве привлеченного к судебному процессу эксперта. Говорил спокойно, без эмоций, логично, убедительно.

Я не помню деталей речи, но смысл ее сводился к тому, что надо познать, понять, объяснить, как произошло то, что вменяется обвиняемым как преступление... Войно-Ясенецкий сказал, что он выступает не как защитник, а как глашатай разума и совести. «Подумайте, — говорил он, — разве может русский врач, советский врач злодейски вредить больному человеку, тем более раненному на поле браны воину. Не так врачи воспитаны. Они воспитаны на самых человеческих началах традиций русской медицины, земской медицины, народной медицины... Я со всей честностью и гневно отвожу это обвинение.

Второе, что хочу сказать: внимите зову разума, посмотрите, какое кругом разрушение, бедность и недостатки. Ведь нет перевязочного материала, нет медикаментов... Я много лет работал в земстве, среди крестьян и рабочих — и тогда, не в условиях революции, разрухи, а в мирных условиях было то же самое: не хватало перевязочного материала, больных привозили с опозданием, и у них в ранах среди зловонного гноя и омертвевшей ткани копошились черви. Обо всем этом можно только сожалеть, но не обвинять невинных людей. Я призываю вас, товарищи судьи, сострадать и больным, и тем, кто, угнетаясь душевно, не мог им помочь в силу обстоятельств. Если же вы не послужите правде и не будете милосердны, вас покарает суд божий и голос совести».

По словам доктора Л. Ошанина, также присутствовавшего на процессе, Войно-Ясенецкий бесстрашно напал на грозного Петерса, который судил о вещах, в которых не понимал, но все же требовал наказания совершенно честных людей.

Войно-Ясенецкий явно превысил права эксперта, превратив свое выступление в своего рода наступление. На неоднократные попытки председателя и самого Петерса оборвать выступавшего, следовал ответ в том смысле, что если, мол, вы вызывали меня как эксперта, то и слушайте то, что я говорю как врач, хирург и профессор.

Настроение аудитории было явно на стороне Войно-Ясенецкого. Однако врачам ненесли суровые приговоры (П. П. Ситковский был осужден на 15 лет). Но этот процесс, как многие в то время, носил лишь условно-показательный характер. Уже через несколько недель врачей отпустили в клиники для работы.

В самой сердцевине здания, из которой расходятся под углами длинные крылья клинических корпусов, находилась кафедра топографической анатомии и оперативной хирургии профессора, доктора медицинских наук Валентина Феликсовича Войно-Ясенецкого. Всего три комнаты. Зимой они не отапливались, пол был холодный, асфальтовый, однако Валентин Феликсович никогда на это не жаловался.

Валентин Феликсович обычно входил в клинику, на кафедру в полном архиепископском облачении, величественный и строгий, но тут же снимал это облачение и оставался в жилете — традиционном жилете хирургов, на который надевается халат. Лекции он читал в халате.

Над кафедрой сразу вдруг вырастала его огромная, монументальная фигура. Внешне спокойный, лекции читал тихим, несколько глуховатым голосом тенорового тембра, но аудитории овладевал мгновенно. Его плавная, уверенная речь, благородно-держанная манера общения и какая-то мягкая, согревающая теплота глаз захватывали слушателей.

Удивительное дело — верующий в сверхъестественное, в бога священник-идеалист, в науке он был, пожалуй, как никто из нас, до щепетильности строг в обращении с фактом.

Обычно профессора, преподающие топографическую (хирургическую) анатомию и не знающие, плохо оперируют и не работают в клинике. Войно-Ясенецкий «царствовал» одинаково в двух областях — и в анатомии, и в клинической хирургии, то есть и у анатомического, и у хирургического стола.

О его искусстве хирурга ходили легенды. Я видел его у операционного стола. Он оперировал без какой-либо нервности. Чувствовался спокойный, ровный ритм работы. Его пальцы нежно и в то же время властно управляли движением скальпеля в живой ткани. Один музыкальный критик об исполнении В. В. Софоницким Шопена как-то сказал: «Ни пылинки!» Это можно было бы сказать и об «исполнительском искусстве» хирурга В. Ф. Войно-Ясенецкого.

Нас, коллег, поражал широкий диапазон его оперативного умения. Он не терялся ни перед какой новой и случайной операцией, умел сразу находить творческое решение по ходу операции. Ему, конечно, очень помогало абсолютно безошибочное стереоскопическое представление любой области тела, куда вторгался скальпель. Самую сложную операцию он вел, казалось, без всякого напряжения. В полной тишине, спокойно, время от времени он предупреждал ассистента: «Сейчас, под этой фасцией сосуд (следует название). зажмите...» Это его в результате блестящего знания анатомии заранее сказанное «зажмите» помогало делать операции почти бескровными...

Войно-Ясенецкий был очень требователен и к себе и к своим сотрудникам в каждом деле. «Работа должна выглядеть, как

бриллиант,— говорил он,— куда его ни поверишь, он блестит».

Хорошую работу он считал явлением нормальным, не заслуживающим похвалы, поэтому практически никогда никого не хвалил, но ошибки не прощал.

Однажды во время дежурства молодого хирурга Б. А. Стекольникова в больницу доставили человека с закрытой травмой живота. Врач решил не беспокоить Войно-Ясенецкого, самостоятельно поставил диагноз — разрыв селезенки — и произвел операцию. После операции в глубине раны беспрерывно кровоточило, но Стекольников смог справиться и с этим.

На утренней конференции он доложил об этом непростом случае, ожидая в душе одобрения Войно-Ясенецкого. Все-таки он, молодой хирург, поставил непростой диагноз, успешно справился с трудной операцией и мог рассчитывать на похвалу. Валентин Феликсович спросил о причине кровотечения. Стекольников ответил, что, как известно, в этом отделе забрюшинного пространства имеется венозное сплетение, которое, по-видимому, было задето во время травмы. Тогда Валентин Феликсович сказал: «Вы во время операции поранили поджелудочную железу, и, если подобное еще раз повторится и вы допустите такого рода ошибку, я лиши вас права дежурства ответственного хирурга».

Целую неделю Стекольников ходил под тяжелым гнетом, так как понимал, что сок поврежденной им поджелудочной железы (в правоте шефа он не сомневался) мог вызвать прободение стенки кишечника. Готов был в любой момент приступить к операции, если это случится. Такие уроки запоминаются на всю жизнь. Валентин Феликсович поступил сурово, но совершенно справедливо, требуя от врачей постоянного углубленного анализа как собственных действий, так и состояния больного.

Еще одна черта характера В. Ф. Войно-Ясенецкого. Будучи одним из высокопоставленных иерархов ортодоксальной староавгустинской православной церкви, которая нетерпимо относилась к иноверцам, Валентин Феликсович никогда не испытывал националистических чувств к людям иной национальности. Среди его сотрудников и близайших помощников были люди разных национальностей, атеисты, но на его отношении к ним это никогда ни в чем не отражалось. В университете, в больнице Войно-Ясенецкий всегда оставался профессором, коллегой, старшим товарищем.

Валентин Феликсович был кристально честным человеком и никогда не поступался своими взглядами; если даже знал, что какие-то его высказывания и поступки будут иметь неблагоприятные последствия. Был бескорыстен, вел очень скромный образ жизни. Все в этом человеке было прозрачно чисто, светло. Тем более оставалось непостижимым, как в нем уживаются две личности — ученый-естественник, активный хирург, борец против болезней и смерти, «посылаемых людям по воле божьей», и... служитель бога, веры, строжай-

Рисунки В. Ф. Войно-Ясенецкого из альбома 1895—1896 годов.

ше соблюдающий все догматы религии. Он выполнял все ритуалы богослужения, произносил проповеди и посещал... заседания медицинского общества, на которых делал глубокие научные доклады.

В догматике православия и в выполнении всех деталей ее ритуала он был так же тверд и неумолим, как и в борьбе за научные истины. За букву догмы и детали ритуала он, несомненно, готов был принять «венец мученический», как приняли его когда-то за «двуперстное сложение» протопоп Аввакум и боярыни Морозова.

Еще не будучи священником, Войно-Ясенецкий повесил в операционной икону. Перед операцией крестился. На это смотрели сквозь пальцы. Но одна из очередных комиссий приказала убрать икону, сказав, что операционная — учреждение государственное, а у нас церковь отделена от государства. Тогда Войно-Ясенецкий «забастовал», ушел из больницы, заявил, что не выйдет на работу, пока не повесят икону обратно.

«Случилось так, что именно в это время один ответственный работник привез для неотложной операции свою жену, которая категорически заявила, что она ни у кого, кроме Войно-Ясенецкого, оперироваться не будет. Обратились к Войно-Ясенецкому. Он ответил, что очень сожалеет, но согласно своим религиозным убеждениям не пойдет

в операционную, пока икону не повесят обратно.

Ему пообещали, что икона завтра же будет на месте. И он прооперировал больную.

Об этом эпизоде мне напомнила ординатор Войно-Ясенецкого Анна Ильинична Беньяминович. Сам я помнил об этом смутно, так как в это время уезжал в командировку.

Но зато я прекрасно помню второй случай «иконоборства» Войно-Ясенецкого. Был не только свидетелем всех относящихся к этому событий, но и сам принимал в них непосредственное участие.

Эпизод относится к самому концу 1921 года, следовательно, он произошел месяцев через 5—6 после выступления Войно-Ясенецкого в суде в роли хирурга-эксперта по делу профессора Ситковского.

Войно-Ясенецкий тогда уже принял сан священника. И на факультете, и в больнице он ходил в одежде русского православного священника. Кроме того, он несколько усложнил свой предоперационный религиозный ритуал.

Перед иконой теперь всегда теплилась лампада. Прежде чем начать операцию, Войно-Ясенецкий не только крестился, но и «творил короткую молитву». Потом он трижды осенял крестным знамением операционное поле, прежде чем взяться за нож хирурга.

Для всех нас главным было то, что Войно-Ясенецкий по-прежнему оставался великим знатоком своего дела, блестящим хирургом. Поэтому к этим его религиозным чудацествам быстро привыкли и смотрели на них сквозь пальцы.

Так дело шло до тех пор, пока, как и в случае первого «иконоборства», не за протестовала очередная комиссия. Комиссия приказала немедленно убрать икону, что и было выполнено. Реакция со стороны Войно-Ясенецкого тоже была немедленной. Он вновь «забастовал», заявив, что не выйдет на работу, пока не вернут икону. Было очевидно, что уговаривать его совершенно бесполезно.

Высшее партийное руководство в Ташкенте тогда возглавлял Ян Эрнестович Рудзутак, посланный сюда В. И. Лениным.

Клиника делегировала к нему популярнейшего в те времена врача и профессора Моисея Ильича Слонима, чтобы разъяснить ситуацию с Войно-Ясенецким, рассказать, какой это большой хирург, выдающийся педагог и ученый. Поэтому устранение Войно-Ясенецкого от занимаемой должности было бы большим ущербом для практической медицины и для медицинской науки.

Рудзутак сказал, что понимает это, но пусть врачи сами найдут выход из создавшегося «хирургического кризиса»: «Совершенно нетерпимо, чтобы советский хирург превращал операционную не то в православную часовню, не то в молельный дом старообрядцев».

В конце концов выход все же нашли. Вспомнили, что Войно-Ясенецкий не просто священник, а священник-монах, иеромонах. В такой своей «ипостаси» он должен полностью подчиняться архиепископу.

В те времена архиепископом Туркестанским был митрополит Никандр. Делегация из трех врачей отправилась в резиденцию архиепископа. Оказалось, что Никандр не плохо разбирается в мирских делах. Он сказал, что вызовет отца Луку и с ним побеседует, гарантирует, что «хирургический кризис» будет ликвидирован, что Войно-Ясенецкий «совершает великий грех гордыни, ибо господь наш Иисус Христос претерпел с кротостью и смиренiem еще не такие надругательства со стороны нечестивых».

Архиепископ Никандр обещание исполнил. Ходили слухи, что свою беседу с профессором он закончил такими словами: «Благословляю тя, отче, на подвиг смирения; иди и твори помощь страждущим, несмотря на надругательства и хулу нечестивых».

Так все это было или иначе, но Войно-Ясенецкий на следующий день вышел на работу, прошел прямо в операционную и приступил к очередным операциям.

Его трагическая жизнь, если исключить все случайное, наносное, полна подлинной гражданственности, честного труда, выполнения долга врача, огромной человечности, удивительных проявлений светлого таланта в науке, в которой он оставил глубокий след, а его практическая хирургическая деятельность принесла тысячам людей реальное исцеление от тяжелых болезней.

Но, чтобы правдиво воспроизвести жизнь этого необычайно многогранного, сложного человека, приходится вспоминать о некото-

рых вроде бы случайных эпизодах его биографии, иначе образ будет неполным.

Архиепископская деятельность и различные связанные с этим жизненные перипетии забирали у него массу времени и энергии, «урезали» от науки то, что он мог бы ей еще дать.

Я жил недалеко от Сергиевского собора, в котором служил архиепископ Лука... И часто видел, каким пietетом окружали ве- рующие своего архипастыря. Особенно красочными были вечерние зрелица, когда по окончании богослужения архиепископ в полном облачении, в высоком черном кло- буке, на котором светился белый крест, шествовал к себе домой, торжественно от- стукивая большой палицей по тротуару. Верующие, «жаждущие» и «алчущие» обыч- но стояли по обеим сторонам улицы и при- падали к его одежде, целовали руку, а он осенял их крестным знамением...

Благославляет народ... И вдруг он видит идущего по улице своего сотрудника с семьей. Поравнявшись с ними, остановил- ся, со всеми поздоровался за руку (он ни- когда не навязывал своего пастырского bla- gosловения), улыбнулся и сказал:

«Ну, здравствуйте, здравствуйте. Целое безбожное семейство по улице идет, и как только земля терпит».

По словам Анны Ильиничны Беньяминова- вич, когда он улыбался, все улыбалось ему в ответ — «словно солнышко выглядят».

Подчиненные и младшие товарищи ни- когда не чувствовали в нем недоступного, сурового начальника. К нему можно было запросто обратиться по самому пустяково- му вопросу, совсем не связанному с ра- ботой.

Надо сказать, что профессура, врачи и вообще интеллигенция Ташкента смотрели на религиозность В. Ф. Войно-Ясенецкого как на своеобразное чудачество. Не придавали этому особого значения.

И все же В. Ф. Войно-Ясенецкий был репрессирован. Потом мы узнали, что его отправили в Архангельск, что правительственные органы вели с ним переговоры, предлагали ему создать хорошие условия для работы в Ташкенте и даже в центре, если он согласится порвать с религией. Он отказался. В дальнейшем, с 1938 года, он находился вблизи Красноярска (село Большая Мурта) и в сане архиепископа Красноярского выполнял все церковные обязанности. В 1939 году его освободили. Когда началась Великая Отечественная война, его назначили главным хирургом большого Красноярского эвакогоспитала. Он сутками не выходил из госпиталя, часами простоявал у операционного стола, лечил огнестрельные ранения, гнойные раны. Был неутомим в практической работе и занимался научной.

В результате была написана монография «Поздние резекции при инфицированных огнестрельных ранениях суставов». За эту работу и за фундаментальный труд «Очерки гнойной хирургии» В. Ф. Войно-Ясенецкий был удостоен Сталинской премии I степени. Узнав из газеты об этой высокой награде, он тут же послал правительству телеграмму с просьбой принять 130 тысяч рублей из присужденной ему премии в 200 тысяч рублей «на помочь сиротам — жертвам фашистских извергов». (И впервые за долгие годы смог что-то послать своим собственным детям.)

В последний раз я видел его в 1944 году в Москве. Перед отъездом в Тамбов он участвовал в церковных совещаниях в патриархии.

Мы встретились в холле пятого этажа гостиницы «Москва». Он только что прибыл с поезда. Здесь было много священников. Служки, монахи в длинных рясах несли какие-то узлы, чемоданы, кадила — а впереди них высилась внушительная фигура архиепископа Луки.

Разговаривая, мы продвигались к отведенному ему номеру, а между тем вокруг него все увеличивалась толпа встречавших и просто любопытных.

Возле самого его номера из соседней двери вышел пожилой генерал, Герой Советского Союза, вся грудь в орденах. На него все это зрешище и величественная фигура архиепископа, очевидно, произвели какое-то особое впечатление. И генерал тут же предложил Войно-Ясенецкому поменяться номерами, отдавал свой гораздо больший номер. Архиепископ отказывался, но генерал убедил его принять предложение тем, что столько провожатых и вещи просто не поместятся в маленьком номере.

Когда все утряслось, Валентин Феликсович остался со мной наедине, чтобы посоветоваться насчет своего здоровья, поговорить о детях, об издании книги.

Последнее время он болел расстройством кишечника. Он просто, спокойно, без брюзжания, без жалоб рассказал о болезни, полученной в ссылке, в годы тяжких испытаний. Охотно согласился исследоваться у меня в клинике.

— Зайду я вам,— сказал он,— вы мо-

жете заниматься только медициной, а у меня рядом с ней дела духовные. Со мной говорили об избрании в Академию медицинских наук, но поставили условием прекратить церковную деятельность. Не могу это сделать.

Тут я напомнил ему, как еще в 1923 году он послал одну из своих работ в крупный немецкий хирургический журнал, подписав ее «Bischof Lucka». Немцы посчитали, что произошла ошибка, сделали перестановку Lucka Bischof. Не поверили, что Bischof («епископ») — это действительно церковный сан профессора, решили, что это его фамилия. И потому поставили как положено, на первое место имя, а на второе «фамилию». Вот и было напечатано: Lucka Bischof.

Он тоже вспомнил эту историю и посмеялся.

Потом заговорили о детях. Валентин Феликсович с благодарностью вспомнил всех, кто с вниманием отнесся к его детям в те годы, когда он сам ничем не мог им помочь.

— Я их жалел и постоянно помнил о них...

Потом он еще рассказал о детях: «Самый болезненный и слабый у меня — младший, Валентин. Вы знаете, он в Намангане, где работал, заболел сыпным тифом. Семнадцать дней длилась болезнь, и почти с самого начала он потерял сознание, очевидно, развелся тяжелый энцефалит.

И вот, — простодушно продолжал Валентин Феликсович, — как не быть верующим, как не верить во всемогущество воли божьей. Последние критические дни были совсем тяжелые, положение было безнадежное — температура — больше сорока, сердце отказывало, кровяное давление упало до очень низких цифр. Лена дала мне телеграмму... И вот я молился. Я просил святейшего патриарха молиться за выздоровление Валентина — и, представьте, о чудо — вдруг на 17-й день наступил кризис, и Валентин стал выздоравливать».

Я знал от самого Валентина некоторые детали течения болезни. В критические часы болезни, когда наступило падение артериального давления, сестра Лена нашла дома припрятанные ампулы строфантин и стала вводить больному. Это его и спасло.

Я не стал ему об этом говорить, потому что понимал, что он тотчас же возразит мне:

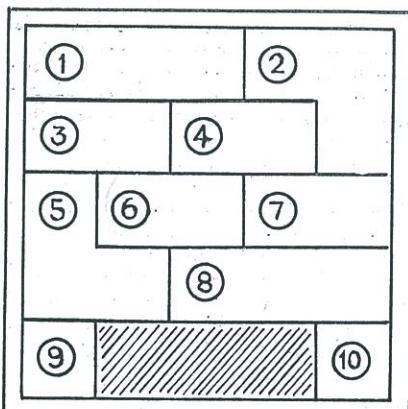
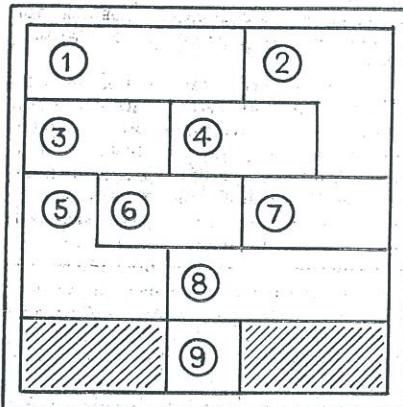
— Ну, что же, тем более, господь Бог внял и помог найти строфантин.

И, словно в ответ на эту не высказанную мной фразу, он произнес:

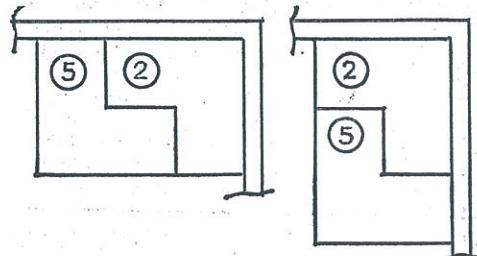
— Верующие никогда не отрицают материальных фактов, но считают, что ими руководит высшее начало — всемогущий Бог, и само материальное переходит в дух, а дух — в материальное. Вот почему тело бессмертно.

Здесь я не выдержал и заметил, что человек смертен и его тело умирает, что бессмертие человека лишь в сотворенных им делах, в его духовном наследстве. Это духовное наследство рождает материальные ценности, но дух, душа где-то в загробном

• ГОЛОВОЛОМКИ

И СНОВА «УПРЯМЫЕ ПЛАШКИ»

В квадратной коробочке 5×5 клеток размещены 9 плашек. Первоначальное расположение их показано на рисунке. Цель головоломки — за наименьшее количество ходов переместить фигуру 5 в верхний правый угол так, чтобы там из плашек 5 и 2 образовался прямоугольник 3×2 (см. «Наука и жизнь» № 7, 1978 г.).

Известно решение в 32 хода. Оно приводится в книге М. Гарднера «Математические досуги». Читатель журнала О. Ким (г. Ферганы) нашел решение в 23 хода: 9л, 8, 7, 6, 5, 9в, 8, 7, 6, 4, 2, 1: 3в, 9вп, 5лв, 6, 4нп, 9н, 5, 3, 1, 2, 5. Пожалуй, это самое короткое решение из всех возможных (буквы при числах означают: л — сдвиг соответствующей плашки влево, п — вправо, в — вверх, н — вниз).

Читатель В. Н. Рыбинский (г. Тула) поставил другой рекорд: он усложнил головоломку, добавив еще одну плашку и уменьшив тем самым и так небольшое пространство для маневров. Ему удалось решить головоломку с 10 плашками за 51 ход! Сможете ли вы справиться с ними? Расположение остальных плашек в конце задачи (кроме 2 и 5) не оговорено.

И. Константинов

мире не может переходить в тело и оживлять его. В бессмертие я не верю...

Валентин Феликович спокойно возразил:
— Отложим спор, тем более я утомлен, а убедить в нескольких словах трудно. Может быть, я буду иметь возможность дать всем моим друзьям почтить свое сочинение «О духе, душе и теле». Внимательное изучение его многое разъяснит.

Я только хочу привести вам пример того, как едины дух и тело. Мне, как вы знаете, много пришлось претерпеть. Однажды там, за Полярным кругом, нас свели в одно небольшое помещение — должно быть, человек сто... О том, чтобы лечь, не могло быть и речи. Мы стояли много часов впритык друг к другу. И знаете, многие падали. А я обратился к вере божьей, и она меня спасла... Выдержал.

Спустя двадцать пять лет после нашей встречи, когда я готовил материал к этим воспоминаниям, то переписывался с сыном Валентина Феликовича — Валентином. И вот что он мне написал:

«Может быть, главу, в которой вы затро-

нете вопрос об уходе отца в религию, надо озаглавить «Не трогай ты ее». Эту фразу Валентин Феликович сказал сыну, когда тот вступил в полемику с больной женщиной, примитивно говорившей о загробной жизни. Очевидно, Валентин Феликович думал о том, что вера облегчает физические страдания и вселяет дух уверенности.

В Тамбове, куда Войно-Ясенецкий был назначен Московской патриархией на должность архиепископа Тамбовского и Мичуринского, он прожил около двух лет. Он еще и оперировал, и посещал научные заседания.

В конце мая 1946 года В. Ф. Войно-Ясенецкий переехал в Симферополь, где выполнял церковную должность архиепископа Симферопольского и Таврического. Здесь он опубликовал три работы по хирургии. Но... здоровье его становилось все хуже и хуже. Умер Валентин Феликович Войно-Ясенецкий 11 июня 1961 года в возрасте 84 лет, проработав врачом 58 лет.

Публикацию подготовили доктор медицинских наук Г. КАССИРСКИЙ и Р. БОРОБЬЕВ.